

Феномен "катакомбной церкви" и епископ Афанасий (Сахаров)

Феденко Мария Ивановна

Студент (бакалавр)

Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Богословский факультет,
Кафедра церковно-исторических дисциплин, Москва, Россия

E-mail: imi82@yandex.ru

XX век принес для Русской православной церкви тяжелые испытания, поставившие ее в такие условия, которые едва ее не уничтожили: «многообразная церковная жизнь пред-революционных лет с 1917 года оказалась под жестким давлением власти» [1]. Это желание власти подчинить себе церковь, поставить ее полностью на государственный контроль, в целом не исполнилось, поскольку одновременно с началом гонений первые христианские общины перешли на нелегальное, катакомбное положение.

Этот вопрос относительно феномена катакомбной церкви мало исследован в историографии, многие историки его сознательно (или несознательно) обходили в своих исследованиях или интерпретировали по-своему.

Впервые документально термин «катакомбная церковь» засвидетельствован в письмах игумении Афанасии (1923 год) к митр. Евлогию (Георгиевскому) и обозначает тайный «домашний храм, в котором совершались богослужения ее монашеской общины» (в противовес официально открытым обновленческим храмам).

На раннем этапе мы видим появление еще двух понятий, характеризующих рассматриваемое нами явление:

• истинно-православные христиане, как собрание, противопоставляющие себя христианам-обновленцам;

• внецерковное православное течение, как некое обобщающее понятие.

Благодаря работам выехавшего за границу И. Андреева и других зарубежных публицистов, термин «катакомбная церковь» стал употребляться шире и чаще, и по мнению В.Л. Беглова, стал включать в себя понятия «истинно-православные христиане» и «истинно-христианская церковь, то есть стал неким обобщающим понятием, определяющим всю совокупность течений и движений, перешедших на нелегальное отношение.

Определив таким образом, само понятие «катакомбной церкви», нетрудно найти первый классифицирующий принцип: явная или неявная оппозиция власти, как церковной, так и светской. Однако каждая из двух определенных нами частей, имеет свое деление, свою ветвистую структуру, противоречиво описанную советскими, российскими и зарубежными историками. Попытаемся ее рассмотреть поэтапно, то есть одновременно с размышлениями о структуре, дадим определение различным движениям и течениям в нее входящих.

Первый этап катакомбной деятельности, возникший вследствие поведения властей в отношении церкви, продолжался с 1918 по конец 1920х годов и характеризовался появлением движений «истинно-православных христиан» и «Истинно-Православной церкви». До настоящего времени до сих пор не выработано единой однозначной точки зрения относительно их появления и взаимосвязи (или отсутствия взаимосвязи) между ними:

• часть историков так или иначе склонна видеть эти движения отдельными объединениями. Первым эту позицию высказал советский ученый А.И. Клибанов, исследовавший «катакомбное движение» в Черноземье. М.В. Шкаровский также придержива-

ется этой позиции;

• часть историков склонна видеть в этих объединениях нечто общее. Впервые эту позицию высказал советский ученый А.И. Демьянов. Точки зрения этого лагеря ученых придерживается и Д.В. Поспеловский, говоря о том, что «догматически и литургически между двумя группами нет различий».

Идеология большинства движений строилась на двух принципах: 1) ярого антикоммунизма; 2) абсолютного отрицания официальной церкви и всех, кто с ней был связан. Таковыми, абсолютно, можно признать радикальные полусектантские движения иоаннитов, федоровцев, чердашников и других. Также непримиримыми по отношению к советской власти и официальной церкви стали движения, ушедшие в «катакомбы» после опубликования Декларации митрополита Сергия в 1927 году представители «Истинно-православной церкви»: андреевцы (основатель еп. Андрей (Ухтомский)), даниловцы (основатель архиеп. Феодор (Поздеевский)), а также бுவское (основатель еп. Алексей (Буй)), стефановское (основатель еп. Стефан (Бех)) и иосифлянское движения (основатель еп. Иосиф (Петровых)).

Но на самом деле не все были так непримиримы по отношению к церкви и советской власти. Таким, например, было движение «непоминающих», считавшее свой уход в «катакомбы» временным явлением. Они не стремились встать в оппозицию также остро, как и вышеупомянутое течение и не предпринимали столь же острых действий. Но свою позицию отстаивали. В письме к митрополиту Сергию, митрополит Кирилл (Смирнов) писал: «я считаю Вас узурпатором церковной власти и отказываюсь повиноваться административно-церковным распоряжениям Вашим и учрежденного Вами Синода»[2]. Еще более мягкие течения «не порывая молитвенного общения, старались обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни, оставаясь в рамках легальности»[3].

Рассмотреть внутренние аспекты деятельности «катакомбной церкви» возможно лишь в том случае, если перед глазами есть пример такой жизни. Владыка Афанасий (Сахаров) своей исповеднической верой, являл такой пример. В его жизни отразилась вся суровая история XX века, а лейтмотивом ее стали его слова: «Мы твои, Господи. . . При всех наших грехах мы никогда не отрекались от имени Твоего, не стыдились именоваться христианами»[4].

Наблюдая за жизнью владыки Афанасия, мы можем косвенно подтвердить возросшее и разветвившееся после опубликования «Декларации 1927 года» Сам владыка, занял более мягкую позицию, что позволяет его отнести к движению «непоминающих», но по его высказываниям можно судить и о том, что были движения гораздо более радикальные, не признающие, например, благодати в сергиевских храмах.

Если попытаться саккумулировать взгляды владыки Афанасия, можно сказать следующее:

• по отношению к власти, обновленческой церкви, как ко злу он был бескомпромиссен, но его бескомпромиссность не носила радикального характера, это было мирное противостояние;

• не признавал каноничности прав митрополита Сергия (Страгородского), но считал, что «заявить протест митрополиту Сергию должны не все члены Церкви, а только епископы, так как затронут вопрос церковной власти»[5].

• не считал безблагодатными храмы, где возносились молитвы за митрополита

Сергия, посещал их, встречался со священниками. К этому высказыванию можно добавить слова архим. Кирилла Павлова о взаимоотношении двух владык: «владыка Афанасий глубоко чтит митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), который очень тактично, очень вежливо обращался всегда к митрополиту Сергию: в его письмах не могло быть и тени оскорбления. Так же относился к митрополиту Сергию и сам епископ Афанасий, хотя и не поминал его за Богослужением». Он не уходил в раскол, признавая все таинства и рукоположения, которые совершались в «сергианской церкви».

С этого времени начинается *второй этап «катакомбной» деятельности*, который приходится на 1930-1940е годы. К концу войны «катакомбное» движение было практически уничтожено: «В 1944 г. большинство выявленных "истинно-православных" на неоккупированной европейской части СССР было депортировано или заключено в лагерь, в последующие два года происходило жестокое преследование их на бывших оккупированных территориях». Об этом же свидетельствует нам путь жизни владыки Афанасия. Практически все это время он находится в ссылках и встречает там огромное количество страдающих за веру.

Об этом же свидетельствует нам путь жизни владыки Афанасия. Практически все это время он находится в ссылках и встречает там огромное количество страдающих за веру.

Третий этап "катакомбной" деятельности начался с признания каноничности прав патриарха Алексия и выхода из подполья многих общин и движений. Владыка Афанасий сыграл в этом не последнюю роль.

Его примеру, считавшегося авторитетным, последовали многие священнослужители и миряне. Можно сказать, что благодаря этому шагу владыки движение «непоминающих» после смерти всех своих духовных основателей не перешагнуло грань, за которой православие превращалось в сектантство. Владыка Афанасий неоднократно писал письма «непоминающим» о признании патриарха (он говорил, что нет больше «поминающих» и «непоминающих» храмов), то есть выступил здесь в роли миротворца: «С этого началось возвращение из русских катакомб десятков тысяч исповедников, праведников, тайных и явных монахов, священнослужителей. И начала затягиваться та рана, которая рассекла православных на рубеже 30-х годов»[6].

Четвертый этап "катакомбной" деятельности был связан с новым витком гонений, но владыка Афанасий его уже практически не застал.

Подводя итог, можно сказать, что советская власть сама дала толчок к образованию движений, вставших на защиту веры, не страшась возможных испытаний и даже смерти. Все ее действия, направленные против церкви, давали внутренней силе тем, кто находился в подполье, действовать. Таким образом, Церковь выстояла в своей борьбе с атеистическим государством.

Источники и литература

- 1) Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет Русской православной Церкви, Арфа, 2008. С. 3.
- 2) Регельсон. Трагедия русской церкви. М: Крутицкое подворье, 2007, с. 88
- 3) Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее подворье. С. 148.
- 4) Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия (Сахарова). М., 2000. С. 353.

- 5) Житие свт. Афанасия Сахарова. Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=477#7> (дата обращения 11.08.2014).
- 6) Донаров В. Епископ Афанасий (Сахаров) и его ученики. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/?Afanasij_Saharov/neusyraemaJa-molitva (дата обращения 11.08.14)